

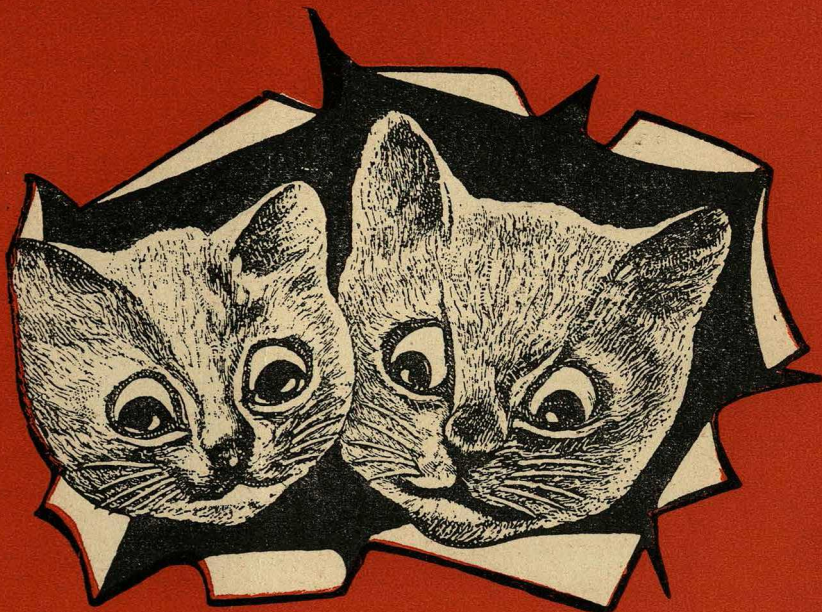
Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущень къ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія пятый.

АВГУСТЪ.

№ 19.

1912.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

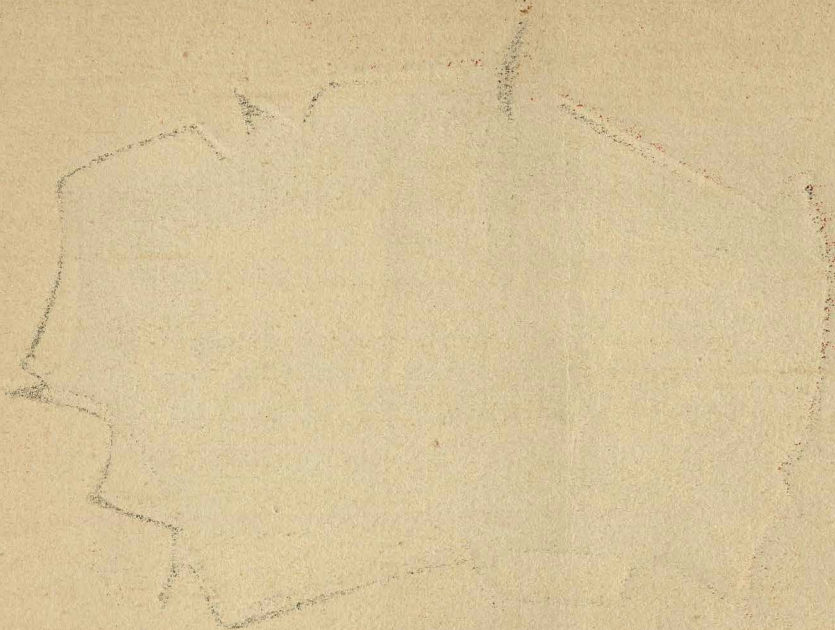

СОДЕРЖАНІЕ:

ЗАПИСКИ АИСТА.
ВЪ ЖАРУ.
НИТКА ЖЕМЧУГА (повѣсть).
ГРИБНАЯ ПОРА.
ЗА ТАИНСТВЕННОЙ ДВЕРЬЮ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Спальня (для склеиванія).
„Въ уютномъ уголкѣ“ (листь 9-й).

THE UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY

CHICAGO, ILLINOIS

LIBRARY

UNIVERSITY OF CHICAGO

CHICAGO, ILLINOIS

LIBRARY

UNIVERSITY OF CHICAGO

UNIVERSITY OF CHICAGO

CHICAGO, ILLINOIS

LIBRARY

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Всѣ закричали, захлопали крыльями, зашумѣли...

ЗАПИСКИ АИСТА.

Когда я вылупился изъ яйца и впервые взглянулъ на Божій свѣтъ, то все для меня было ново и интересно. Я увидалъ себя на крышѣ сарая, въ большомъ гнѣздѣ, сдѣланномъ изъ прутьевъ и вѣтокъ деревьевъ и устланномъ внутри сухими листьями, разными тряпочками, пустыми колосьями и обрывками газетной бумаги. Все это подобрали мои отецъ и мать, когда строили гнѣздо. Внизу подо мною разстилался крестьянскій дворъ, по которому бѣгали дѣти, ходили гуси и куры и мирно бродила корова.

— Не бойся, не бойся! обратилась ко мнѣ мать.—Все это наши друзья. Они не причинять тебѣ зла!

Я глядѣлъ на дворъ, на высокое голубое небо, на деревья и мнѣ было пріятно, что я ихъ видѣлъ и что на свѣтѣ было такъ хорошо. Около меня сидѣли на локтяхъ мои братъ и двѣ сестры и тоже съ удивленіемъ оглядывались кругомъ.

— Ысть! Ысть! вдругъ закричалъ мой маленькій братишка.—Я хочу кушать!

Мы тоже всѣ хотѣли ѣсть, не смотря на то, что только что вылупились изъ яицъ.

— Подождите немного, отвѣтила намъ мать.—Сейчасъ прилетитъ вашъ отецъ.

И, дѣйствительно, минутъ черезъ пять мы увидали громадную, красивую птицу, которая прилетѣла откуда-то издалека и стала описывать надъ нашимъ гнѣздомъ круги. Это былъ нашъ отецъ. Весь бѣлый, съ черными перьями на крыльяхъ и на хвостѣ, онъ ярко сверкалъ на голубомъ фонѣ неба и его длинный, красный клювъ былъ немного прижатъ къ груди.

— Ну, вотъ и я! сказалъ онъ, опустившись на гнѣздо.

И онъ изрыгнулъ изъ себя цѣлую кучку стрекозъ, червей, жуковъ, маленькихъ лягушатъ и кузнечиковъ.

— Клюйте! сказалъ онъ намъ.

Аисты—птицы, которыя клюютъ съ первой-же минуты своего появления на свѣтѣ. Но мы не знали, съ чего начать и какъ это сдѣлать.

— Клуй-же! крикнулъ на меня отецъ и, схвативъ меня своимъ клювомъ за клювъ, сталъ тыкать имъ въ ѣду.—Вотъ такъ! Вотъ такъ!

Я понялъ и тотчасъ-же принялся уплетать червей и лягушатъ. Мою примѣру послѣдовали и мои братъ и сестры. Пока мы ѣли, мать снялась съ гнѣзда и куда-то улетѣла. Отецъ все время стоялъ около насъ и училъ, какъ ѣсть. Затѣмъ вернулась мать съ полнымъ ртомъ воды и напоила насъ.

Такъ стало повторяться каждыя десять минутъ, мы ѣли и пили, наши родители то и дѣло улетали и прилетали, и мы все никакъ не могли насытиться и кричали:—

— Ёсть! ёсть! ёсть!

Пошли дни за днями. Родители нѣжно заботились о насъ, укрывали насъ во время дождей своими крыльями, а въ жару обрызгивали насъ изъ клювовъ водой и наше дѣтство протекало мирно и тихо въ родномъ гнѣздѣ. А затѣмъ мы подросли настолько, что уже не стали помѣщаться въ своемъ жилищѣ.

— Вставайте на ноги! крикнулъ на насъ отецъ.—Нечего больше сидѣть на локтяхъ! Вы уже большіе!

Мы поднялись на ноги, но намъ не стало отъ этого просторнѣе.

— Ахъ, мой другъ, но вѣдь они упадутъ! обратилась къ нашему отцу наша мать.—Они еще не умѣютъ летать!

— Я сейчасъ сдѣлаю такъ, что не упадутъ! отвѣтилъ ей отецъ и улетѣлъ далеко въ лѣсъ.

Онъ возвратился съ большой вѣткой въ клювъ и воткнулъ ее въ гнѣздо. Слетавъ въ лѣсъ нѣсколько разъ, онъ принесъ оттуда столько вѣтокъ, что гнѣздо наше стало сразу и больше и прочнѣе и вѣтки торчали изъ него со всѣхъ сторонъ.

— Становитесь на эти концы! Не бойтесь! обратился къ намъ отецъ.

Всѣ четверо мы стали на концы вѣтвей, торчавшіе изъ гнѣзда, и такъ и простаивали на нихъ цѣлые дни, ожидая, когда насъ лишній разъ накормитъ нашъ отецъ и напоитъ мать. Увидѣвъ ихъ, мы привѣтствовали ихъ всякій разъ издалека шипѣньемъ, хлопали имъ крыльями, курлыкали и выражали имъ свою радость. Теперь ужъ они кормили насъ лягушками, мышами и змѣями и было забавно глядѣть, когда летѣлъ къ намъ нашъ отецъ и у него въ клювъ извивалась въ разныя стороны гадюка. Часто онъ набиралъ ихъ себѣ въ подклювный мѣшокъ цѣлыхъ пять или шесть штукъ разъ и давалъ каждому изъ насъ полакомиться этой вкусной закуской. Мы глотали змѣй цѣликомъ и долго еще чувствовали, какъ онѣ пріятно шевелились у насъ въ зобахъ.

Къ концу второго мѣсяца мы стали уже пробовать наши крылья.

— Ну, чего стоите! сердито сказалъ намъ отецъ.—Уже пора летать! Вонъ изъ гнѣзда!

И онъ ударилъ каждаго изъ насъ клювомъ въ бокъ. Боясь упасть и стараясь сохранить равновѣсіе, мы выскочили изъ гнѣзда и побѣжали по гребешку крыши, широко размахивая крыльями.

— Ничего, ничего! ободряла насъ мать.—Труденъ только первый шагъ!

Черезъ недѣлю мать уже спих-

нула меня съ крыши, отецъ столкнулъ другихъ, и всѣ четверо мы уже залетали вокругъ гнѣзда и стали описывать около него круги.

Отлично, отлично! кричалъ намъ отецъ. — Дѣлайте крыльями вотъ такъ! Вытяните назадъ ваши красныя ноги, какъ палки! Вотъ такъ!

И онъ все время былъ вмѣстѣ съ нами, кружился надъ крышей и училъ насъ летать.

Теперь мы уже цѣлые дни проводили въ воздухѣ, спускаясь на крышу только для отдыха, и только на ночь возвращались къ себѣ въ гнѣздо. Отецъ былъ доволенъ нами и сталъ уже мечтать о томъ, какъ онъ представитъ насъ вскорѣ всѣмъ нашимъ другимъ аистамъ, которые жили и гнѣздились по сосѣдству, а наша мать съ гордостью поглядывала на насъ и то на томъ, то на другомъ изъ насъ поправляла перья, всклокоченныя вѣтромъ.

Съ Петрова дня мы все чаще и чаще стали улетать въ болото, гдѣ родители учили насъ ловить лягушекъ и змѣй, а послѣ Казанской уже ни разу не возвратились въ наше гнѣздо. Теперь мы были уже большими.

— Скоро отлетѣть, скоро отлетѣть!.. повторяли съ грустью наши отецъ и мать. — Какъ жаль расставаться съ родиной! Но что дѣлать? Аисты не могутъ переносить зимы!..

И вотъ, въ концѣ іюля, въ одномъ изъ обширныхъ болотъ со-

бралась вся наша аистовая компанія. Всѣ загалдѣли, закричали, захлопали крыльями, зашумѣли и я какъ-то сразу потерялъ въ ней и своихъ родителей, и брата, и сестеръ, и сталъ одинокимъ и такимъ-же полноправнымъ, какъ и всѣ.

— Что вы дѣлаете? спросилъ я другихъ аистовъ. — О чемъ вы такъ кричите?

— Развѣ ты не видишь? удивился мой сосѣдъ. — Мы выбираемъ себѣ вожака!

И дѣйствительно, я скоро увидѣлъ, что изъ нашей среды выдѣлился вдругъ одинъ старый аистъ, который поднялся на цыпочки, захлопалъ крыльями и закричалъ:

— Впередъ, впередъ!

Вся наша многочисленная стая взвилась въ воздухъ, описала нѣсколько круговъ надъ покидаемой родиной и отправилась затѣмъ въ далекій путь. Мы полетѣли къ юго-западу, къ намъ по пути приставали другія стаи аистовъ и когда мы увидели наконецъ подъ собою Турцію и затѣмъ Средиземное море, то насъ оказалось уже около пяти тысячъ штукъ. И все время впереди насъ летѣлъ нашъ вожакъ и указывалъ намъ путь.

— О, это очень ученый, опытный аистъ! говорилъ мнѣ о немъ по дорогѣ мой сосѣдъ. — Ему уже болѣе ста лѣтъ. Уже семьдесятъ два года онъ живетъ въ Россіи

все на одной и той-же крышѣ и въ одномъ и томъ-же гнѣздѣ! Онъ знаетъ дорогу на югъ, какъ свои четыре пальца на ногѣ!

Черезъ трое сутокъ мы были уже въ Египтѣ и съ своей лазурной вышины я видѣлъ далекия пирамиды, обелиски и длинную голубую ленту рѣки Нила, на которомъ когда-то бродила священная птица древнихъ египтянъ — мой родичъ ибисъ. Теперь все тамъ утопало въ пескахъ и знойное солнце сушило послѣднія листья у высокихъ финиковыхъ пальмъ. Отдохнувъ въ одномъ изъ Абисинскихъ болотъ, мы еще черезъ четыре дня прилетѣли въ Южную Африку, на берега рѣки Замбезе и рѣшили здѣсь зимовать. Кругомъ насъ бродили невиданныя птицы и звѣри, я видѣлъ издалека слоновъ, слышалъ рыканіе льва, вокругъ насъ летали бабочки величиною съ шляпу человѣка и росли диковинныя деревья, но я съ первой-же минуты заскучалъ по своей далекой родинѣ, затоскавалъ и сталъ считать дни и часы, когда вернусь въ нее опять.

— Ну, вотъ мы и въ Южной Африкѣ! обратился ко мнѣ мой аистъ—сосѣдъ, рядомъ съ которымъ я совершилъ весь этотъ длинный перелетъ. — Какъ тебѣ нравятся эти мѣста?

— Не очень! отвѣтилъ я. — У насъ въ Россіи лучше! Жаль только что тамъ бываетъ зима!

— Да, это очень жаль, согласился со мной и мой спутникъ. Если-бы въ Россіи не было такой длинной зимы, то это была-бы самая лучшая страна на всей землѣ... Но какъ тебѣ нравятся негры? Не правда ли они очень гостепріимны, хотя черны и смѣшны?

Я уже и самъ давно замѣтилъ, что негры были рады нашему прилету. Завидѣвъ насъ, они намъ махали руками, что то говорили намъ, но мы не понимали ихъ, хотя и знали, что этимъ они выражали намъ свою радость. За то европейцы, эти наши бѣлые земляки, встрѣтили насъ враждебно. Они стрѣляли въ насъ, вырывали перья изъ крыльевъ убитыхъ нашихъ братьевъ и украшали ими шляпы своихъ женъ. Какъ это странно! Съ тѣхъ поръ мы стали сторониться европейцевъ и близко подпускали къ себѣ однихъ только черныхъ дикарей.

Но вотъ прошли жаркіе декабрь и январь. Наступилъ наконецъ и мартъ. Въ нашей стаѣ снова началось движеніе, всѣ какъ-то сразу зашумѣли, зашипѣли, закурлыкали и какое-то странное радостное чувство наполнило вдругъ наши сердца.

— Домой, домой! закричали мы и весело захлопали крыльями.

И опять мы собрались въ одну стаю, опять выбрали себѣ все того-же вожака, и онъ, какъ и въ

первый разъ, повелъ насъ за собою въ далекій путь. Мы летѣли теперь уже на сѣверъ и чѣмъ ближе становились къ своей родинѣ, тѣмъ все больше и больше испытывали нетерпѣнія. Вотъ уже подъ нами опять Египеть, опять Средиземное море, вотъ Турція, вотъ Болгарія, вотъ Дунай, а вотъ уже и наша милая Малороссія съ ея бѣлыми хатками и пирамидальными тополями. Стоять рядкомъ мельницы и машутъ крыльями, тянутся лентами веселыя рѣчки и возвратившіеся скворцыуже шумятъ около своихъ скворешень. Вишни и сливы набрали уже почки и скоро зацвѣтутъ и добродушный хохоль уже выѣхалъ со своими волами въ поле и яркимъ, выбѣленнымъ плугомъ уже вспахиваетъ черную, тучную землю. Здравствуй, милая родина, здравствуйте и вы, вишневые сады, пышныя пажити, и медвяныя рѣчки и кисельные берега!

И каждый изъ насъ сталъ спускаться на свое прежнее гнѣздо и тотчасъ-же начиналъ его починять. Одинъ я остался безъ гнѣзда.

«Куда дѣваться?» думалъ я.— „Гдѣ найти себѣ пріютъ“?

Всю дорогу рядомъ со мною летѣла изъ Южной Африки и моя подруга.

— Ну, что-же? обратилась она ко мнѣ, когда мы прибыли въ Россію. Давай спустимся внизъ, совьемъ себѣ гнѣздо и выведемъ дѣтей!

Я оглядѣлся по сторонамъ и да-

леко внизу увидалъ свое родное гнѣздо, въ которомъ я родился, и выросъ и научился летать. Въ немъ по прежнему сидѣли мои отецъ и мать.

— Вотъ тамъ я родился! сказала я.—Вонъ то мои мать и отецъ. Развѣ спуститься къ нимъ и попросить ихъ уступить намъ свое гнѣздо?

— Что ты, что ты? испугалась моя жена.—Развѣ ты не знаешь, что у аистовъ бракъ заключается на вѣчныя времена и что одно и то-же гнѣздо остается за ними на всю ихъ жизнь?

— Но гдѣ-же гнѣздиться намъ? задумался я.—Развѣ попробовать спуститься въ лѣсъ?

Но въ это время внизу вдругъ раздались веселые голоса:—

— Аисты, аисты прилетѣли! У нихъ еще нѣтъ гнѣзда! Это молодые! Летите скорѣе къ намъ!

Я поглядѣлъ внизъ и увидалъ выбѣжавшаго на дворъ крестьянина и всю его семью. Они махали намъ руками, звали насъ къ себѣ, а затѣмъ крестьянинъ схватилъ старое колесо отъ телѣги, влѣзъ съ нимъ къ себѣ на крышу и укрѣпилъ его на ея углу.

— Сюда, сюда! закричалъ онъ намъ.

Мы поняли, что здѣсь намъ были рады, и, описавъ нѣсколько круговъ, слетѣли на крышу, осмотрѣли колесо и принялись за устройство своего собственнаго гнѣзда. Все

время моя подруга оставалась на колесѣ, а я леталъ въ лѣсъ и на поля, приносилъ ей прутья и вѣтки и она плела изъ нихъ гнѣздо. Сначала она клала на колесо толстые прутья, затѣмъ все тоньше и тоньше и когда наконецъ черезъ восемь дней наше гнѣздо было готово, то мы устлали его разнымъ мягкимъ хламомъ, какой могли подобрать вокругъ хаты нашего хозяина, и моя супруга снесла въ него свое первое бѣлое, какъ у курицы, яйцо. Я хотѣлъ осмотрѣть его поближе со всѣхъ сторонъ и уже раскрылъ клювъ, чтобы взять его въ ротъ, какъ моя подруга вскочила и заслонила его отъ меня собой.

— Что ты, что ты?! воскликнула она.— Да ты съ ума сошелъ! Развѣ ты не знаешь, что на нашихъ яйцахъ слишкомъ тонкая скорлупа? Вѣдь ты его раздавишь своимъ глупымъ, краснымъ носомъ! Какой ты дуралей!

Я посмѣялся и, чтобы скрыть свою неловкость, улетѣлъ отъ нея на болото за ѣдой.

Въ теченіи недѣли моя подруга снесла еще три такія-же яйца и мы стали ихъ поочередно высиживать. Пока сидѣлъ на нихъ я, она летала по болотамъ и по лѣсамъ и добывала себѣ кормъ, а когда возвращалась она, то улеталъ для той-же цѣли и я. Такъ продолжа-

лось ровно 30 дней. А подъ утро на 31-й день у насъ вывелись прелестные, длинноносые четыре птенца. Мы принялись ихъ воспитывать, благодарили Бога за то, что Онъ намъ ихъ послалъ, и радовались жизни. Теперь у меня была своя собственная семья, я зналъ, для чего я живу, и цѣлые дни я и жена проводили въ трудѣ. Не зная отдыха ни на минуту, мы берегли нашихъ птенцовъ, кормили ихъ и не могли на нихъ взглянуть, такъ они казались намъ хороши. Но имъ радовались не только мы одни. Завидѣвъ ихъ, всякій разъ на дворъ выбѣгали ребяташки нашего хозяина, они прыгали вокругъ хаты, хлопали въ ладоши и указывали пальцами на наше гнѣздо.

— Птенчики, птенчики! кричали они.— У нашихъ аистовъ вывелись птенцы!

Къ нимъ часто выходила ихъ мать, она тоже ласково глядѣла на насъ и всякій разъ имъ строго говорила:—

— Вы же, смотрите, не обижайте ихъ! Не бросайте въ нихъ ничѣмъ! На чьей хатѣ поселится аистъ, та, значить, счастливая семья!

— Счастье, счастье! кричали дѣти и еще долго радовались намъ и старались выказать намъ свои расположеніе и любовь.

С. Вершининъ.

Раннимъ утромъ.

Уличный музыкантъ.

В Ъ Ж А Р У.

<p>Всю ночь не спали — было жарко, Но солнце съ самаго утра Опять сияетъ ярко-ярко И снова цѣлый день жара.</p>	<p>Кругомъ положе все на печку: Такъ пышетъ жаромъ отъ камней, И такъ и бросилса-бы въ рѣчку, И цѣлый часъ сидѣлъ-бы въ ней.</p>
--	---

<p>Въ разгарѣ полномъ сѣнокосы, Косить нѣтъ мочи отъ жары... Варятъ варенье... Всюду осы И больно жалать комары.</p>	<p>А только вечеръ ароматный Съ небесъ на землю къ намъ сойдетъ, Какъ пѣсней нѣжною, пріятной Вдругъ міръ животныхъ запоетъ.</p>
---	---

<p>А если ѣдешь, то отъ пыли Нескроешь носа, губъ и глазъ И лошадь бѣдная, вся въ мыль, Едва везетъ свой тарантасъ.</p>	<p>Трещать кузнечики, лягушки Кричатъ съ надрывомъ у рѣки, Летають бабочки и мушки, Порхаютъ нѣжно мотыльки...</p>
--	---

Вздохнутъ природа вся готова,
 Свалила, кажется, жара,
 Но часъ прошелъ — и жарко снова,
 И такъ съ утра и до утра.

Кузнечикъ.

НИТКА ЖЕМЧУГА.

ПОВѢСТЬ.

(Окончаніе).

Анна Павловна стояла у елки, благодарили, тотчасъ-же отбѣжали спиной ко входу, и разбирали игрушки. Услышавъ позади себя веселый смѣхъ Киси и Фроси, она обернулась и протянула къ нимъ подарки.

— Вотъ вамъ! сказала она. — Играйте на здоровье!

Дѣвочки схватили коробки, по-благодарили, тотчасъ-же отбѣжали въ сторону и стали ихъ развязывать.

Игралъ слѣпой музыкантъ, пахло ельникомъ, кругомъ Анны Павловны суетились и прыгали другія дѣти, кто въ бумажномъ колпакѣ, кто съ дудкой или барабаномъ въ рукахъ, и она одѣляла ихъ сла-

стями и подарками и, казалось, была въ своей средѣ. Было что-то трогательное и красивое въ этомъ ея общеніи съ дѣтьми и она походила сама на большого ребенка и въ то-же время являлась нѣжной, любвеобильной, матерью, довольной, что около нея было столько дѣтей. Боря все время находился около нея, держалъ себя хозяйномъ, помогалъ ей, подводилъ къ ней наиболѣе робкихъ гостей, которые жались по сторонамъ и не смѣли подойти. Кися и Фрося развязали наконецъ свои коробки и ахнули отъ восторга: такихъ куколъ онѣ не имѣли еще никогда. Большія краснощекія, со стибавшимися руками и ногами и съ тонкими волосами, онѣ смотрѣли на нихъ изъ своихъ ящичковъ большими, голубыми глазами, улыбались имъ и показывали имъ зубы. Не помня себя отъ радости, Кися и Фрося бросились къ Аннѣ Павловнѣ, повисли у нея на шеѣ и стали ее цѣловать. Она была довольна, что угодила имъ, и ихъ радость сообщалась уже и ей, какъ вдругъ глаза ея упали на нитку жемчуга, висѣвшую у Фроси на шеѣ. Она вздрогнула, поблѣднѣла, потомъ краска бросилась ей въ лицо, губы у нея задрожали, но она овладѣла собой и спокойно сказала:—

— Какое красивое на тебѣ ожерелье!

Заиграли вальсъ, всѣ завертѣ-

лись, закружились вокругъ елки, радость наполнила дѣтскія сердца, но Анна Павловна была ужъ не та. Она стояла теперь въ сторонкѣ, держась рукой за грудь, и, полная трепетнаго волненія, повторяла:—
— Неужели это она? Неужели мнѣ вернуть ее Господь?

Въ первую минуту она чувствовала, что вотъ-вотъ лишится сознанія и упадетъ, но не дала себѣ воли и отошла къ двери. Теперь ужъ она не видѣла никого и ничего. Все слилось для нея въ одну общую, однообразную массу, она слышала музыку, видѣла передъ собой мельканіе огней и дѣтей, но все это заслонялось теперь образомъ ея давно уже погибшей, по ея мнѣнію, Маруси, который выросалъ передъ нею изъ этой веселой, жизнерадостной толпы и который неудержимо влекъ ее къ себѣ.

Она узнала свою нитку жемчуга.

И, не будучи долѣе въ силахъ сдерживать себя, она воспользовалась минуткой, когда въ танцахъ случился перерывъ, и подошла къ Фросѣ. Да, да, это она, ея дочь! Она узнаётъ въ ней эти дорогія черты, эти глаза, и ея воображеніе уже подсказываетъ ей то, чего она не замѣтила-бы раньше, если-бы не знала, что Фрося была подкидышь, и не увидала-бы на ней этого жемчужнаго ожерелья. И введенная въ заблужденіе этой

самой ниткой жемчуга, она не смогла уже долѣе владѣть собой и взяла Фросю за руку.

— Пойдемъ со мной! сказала она!

Дѣвочка послушно послѣдовала за ней. Пройдя двѣ или три комнаты, онѣ очутились въ спальнѣ. Горѣла лампадка и освѣщала зеленатымъ свѣтомъ стѣны. Въ углу виднѣлась бѣлоснѣжная кровать, покрытая свѣжимъ, душистымъ бѣльемъ, стояли туалетъ, маленький диванчикъ и два кресла. Это было святилище Анны Павловны, ея комната, въ которой она такъ долго мечтала о возвращеніи своей дочери и пролила столько горькихъ, незримыхъ слезъ. Теперь ея дочь нашлась. Не чудо-ли это? Спаситель въ терновомъ вѣнцѣ, который смотрѣлъ на ея горе своими скорбящими очами и ликъ котораго былъ нарисованъ на этомъ образѣ, освѣщенномъ теперь зелененькой лампадкой, внялъ наконецъ ея мольбамъ и возвратилъ ей дочь. И полная благодарности, полная материнскаго восторга, вмѣсто того, чтобы спросить у Фроси, откуда у нея это ожерелье и кто ей его далъ, она схватила ее въ полумракѣ за плечи, прижала ее къ себѣ, къ своему сердцу, а потомъ опустилась вмѣстѣ съ ней на край кровати и стала покрывать ее радостными безумными поцѣлуями.

— Моя!.. Моя!.. шептала она.—

Богъ услышалъ меня наконецъ, и возвратилъ мнѣ тебя!

Фрося не ожидала этой ласки, но, согрѣтая ею, тоже бросилась къ Аннѣ Павловнѣ на шею и стала ее обнимать. Навѣрное, такъ ласкала-бы ее родная мать. Что, если-бы она, эта неизвѣстная, несчастная ея мать возвратилась къ ней изъ-за того темнаго лѣса, на который Фрося такъ часто смотритъ въ бабушкиной усадьбѣ изъ окна и точно такъ-же, какъ и Анна Павловна, прижала-бы ее къ сердцу и поцѣловала-бы ее въ губы, въ щеки и въ глаза?!

— Ты знаешь? Ты моя дочь! обратилась къ ней Анна Павловна.—Ты—моя Маруся, которой я лишилась такъ давно!

Фрося не вѣрила своимъ ушамъ. Это откровеніе поразило ее, наполнило ея душу восторгомъ и, внѣ себя отъ радости, она не знала, что ей дѣлать, и что говорить.

Изъ залы доносились звуки музыки, веселые крики дѣтей сливались въ одинъ общій восторженный гулъ, а Анна Павловна и Фрося еще долго сидѣли, обнявшись, на кровати, и долго то плакали, то смѣялись. А когда ихъ наконецъ хватились и стали искать и было уже неловко скрываться отъ гостей, то онѣ вышли изъ своей засады и по выраженію ихъ лицъ Боря и Кися могли догадаться, что между ними что-то

произошло, но захваченные вихремъ веселья, не обратили на это должнаго вниманія и продолжали танцевать.

— Ты-же смотри, никому не говори, что ты моя дочь! шепнула Фросѣ на ухо Анна Павловна.

Фрося поняла ее и съ таинственнымъ видомъ закивала ей головой. Ахъ, какъ-бы ей хотѣлось теперь броситься къ Борѣ и Кисѣ на шею и рассказать имъ обо всемъ! Но что-то подсказывало ей, что было еще не время, что нужно было чего-то еще подождать, что-то еще сдѣлать, и тогда ужъ всѣ узнаютъ, что она нашла свою мать.

А затѣмъ стала танцевать и она.

Пока танцевали, Анна Павловна не разъ и не два подходила къ ней и ласково поправляла на ней волоса. И всякій разъ она снимала съ ея шеи жемчужное ожерелье и осматривала его со всѣхъ сторонъ.

Да, это оно! Это то самое ожерелье, которое она когда-то сама надѣла своей дѣвочкѣ на шею въ ту страшную ночь, когда горѣлъ пароходъ! Какъ давно она не видала его! Оно все такое-же, какъ было и тогда, но за то какъ выросла и развилась ея Маруся!

Она подходила и къ Кисѣ. Что-то необъяснимое притягивало ее и къ ней и въ ея чертахъ она находила что-то свое, что-то та-

кое, что было ей знакомо уже давно-давно и что она привыкла видѣть на своихъ собственныхъ портретахъ, на которыхъ была снята дѣвочкой ея лѣтъ.

„Какое странное сходство!“ думала она.— „Точно такую-же, какъ эта Кися, была когда-то и я! Тѣ-же брови и ность!.. То-же выраженіе губъ и глазъ!..“

И она обнимала и Кисю, цѣловала ее, подходила къ Борѣ, трепала его ласково по щекѣ и была довольна, что всѣ трое были около нея и что одна изъ нихъ была ея дочь.

„Вотъ-бы всѣ трое были моими!“ мечтала она.— „Вотъ-бы мы весело зажили вчетверомъ!“.

А тутъ-же, среди дѣтей, расхаживаль и Иванъ Филипповичъ и щурился на елку, поправляя двумя пальцами очки. Аннѣ Павловнѣ было неприятно, что онъ нарушалъ своимъ присутствіемъ общій тонъ праздника, но ей было неловко ему объ этомъ сказать, а онъ самъ этого не понималъ и не уходилъ. Раза два или три онъ одернулъ Борю, сказавъ ему, что тотъ неприлично себя ведетъ, и даже строго замѣтилъ:—

— Въ сущности говоря, вы этой елки, Борисъ, не заслужили!.. Вы недостойны ея и о вашемъ теперешнемъ поведеніи я буду подробно докладывать вашему отцу!

А бѣдная Настасья Ивановна въ это время вертѣла мороженое

и хлопотала на кухнѣ. Она не могла сидѣть сложа руки, вызвалась сама помочь Аннѣ Павловнѣ принимать гостей, и ничего не знала о томъ, что произошло. Что, если-бы она видѣла, какъ Кися сняла съ себя ожерелье и передала его Фросѣ! Но этого она не видѣла, не могла во время предотвратить возникшаго недоразумѣнія и теперь произошло не по ея винѣ то, что произошло!

А когда она управилась наконецъ и вышла къ дѣтямъ, то ожерелья не было ужъ ни на Кисѣ, ни на Фросѣ. Фрося утомилась его беречь и отдала его Кисѣ, а Кися полсжила его въ дѣтской на комодъ.

— А гдѣ-же нитка жемчуга? встревожилась Настасья Ивановна и подбѣжала къ Кисѣ.—Гдѣ бусы, бусы-то гдѣ?

Кися небрежно указала ей на дѣтскую и на комодъ, а затѣмъ вернулась въ залъ и, положивъ голову на плечо къ какому-то кадету, пустилась съ нимъ снова въ вальсъ.

Такого веселаго вечера для Кисы не было еще никогда.

Недѣлю спустя, когда бабушка сидѣла во всемъ домѣ одна и, прислушиваясь къ вою вѣтра въ голыхъ вѣтвяхъ деревьевъ, раскладывала пасьянсъ, вдругъ слышался у крыльца звонъ бубенчиковъ. Была метель, шель снѣгъ сверху и поднимался снизу

и нельзя было разобрать, что происходило въ природѣ. Около дома были наметены цѣлые сугробы, на аллеяхъ парка высились цѣлыя горы и бѣдные, озябшіе зайцы перебѣгали по нимъ взадъ и впередъ, не знали, какъ согрѣться и становились на заднія лапки. Эта метель еще болѣе увеличивала одиночество бабушки. Она уже привыкла къ дѣтямъ, привыкла каждый день слышать ихъ веселые голоса и вотъ теперь они уѣхали отъ нея въ городъ, оставили ее одну и весь домъ погрузился въ полное молчаніе, какъ и десять лѣтъ тому назадъ. Ахъ, какъ она не любила этого молчанія! Въ такіе дни, когда она оставалась одна, каждый шорохъ, каждый шумъ казались ей большими, раздражали ее и вся эта мебель, всѣ эти диваны, кресла и столы, которыми были уставлены ея комнаты казались ей хранившими въ себѣ какую-то тайну заброшенности и одиночества, которыя пугали ее и напоминали ей о смерти. Она ходила молча изъ комнаты въ комнату, много думала, воспоминанія безмолвно передъ нею раскрывали свои длинные свитки, она читала ихъ и ей казалось, что все для нея уже потеряно и что дѣвочки не вернуться къ ней уже никогда. А когда наступали сумерки и въ громадномъ домѣ становилось еще угрюмѣе и тише и съ надворья еще рѣзче доно-

силось завываніе непогоды, то она садилась въ уголокъ на диванъ, раскладывала пасьянсъ и думала думу.

— „Какъ-то они тамъ въ городѣ ведутъ себя?“ думала она. — „Не надѣлала-бы тамъ Кисья глупостей! Она вѣдь озорная! А что-то теперь Борисъ?.. Должно быть, радъ-радехонекъ, что у него теперь гости!..“

Такъ она думала и теперь, и вдругъ послышались бубенчики и у крыльца кто-то остановился. Она вздрогнула, поднялась съ мѣста и прислушалась. Да, кто-то дѣйствительно пріѣхалъ въ такую непогоду и она слышитъ уже голоса. Она подошла къ окошку и, приложивъ ладони къ вискамъ, посмотрѣла на дворъ. Сквозь сумерки она увидѣла переднюю пристяжную, коренника и кибитку и ямщика, всего засыпаннаго снѣгомъ. Какіе-то три узелка выкатились изъ кибитки и со смѣхомъ направились къ крыльцу. Кто-бы это могъ быть? Бабушка прислушалась, узнала этотъ смѣхъ и схватилась за грудь. Неужели это они?

И вдругъ распахнулись двери и въ прихожую вкатились эти три узелка. Боже мой, какая радость! Розовые, всѣ въ серебристой, снѣжной пыли, Кися и Боря сбросили съ себя шубки и кинулись навстрѣчу къ бабушкѣ. Она увидѣла своего несравненнаго Бориса, по

которомъ такъ болѣла ея душа, обрадовалась ему, хотѣла-было прижать его къ себѣ и обнять, но ноги подкосились у нея и она прислонилась къ косяку, чтобы не упасть.

— Борисъ!.. Боренька!.. зашептала она. — Да какъ-же ты выросъ, какъ ты похорошѣлъ!..

Онъ бросился къ ней, прижалъ ее къ сердцу, сталъ ее цѣловать, а около нихъ суетилась Кися, рассказывала, какъ весело она провела время въ городѣ и какіе получила подарки. Настасья Ивановна, довольная, что пріѣхали наконецъ домой, тотчасъ-же принялась за хозяйство. Зажглись лампы, застучали чашки, зашумѣлъ самоваръ и старый домъ проснулся опять, ожилъ и наполнился счастливыми возгласами ребятъ.

— Батюшки мои! вспомнила наконецъ Настасья Ивановна. — А объ ямщикѣ то мы и позабыли. Надо заплатить ему два рубля!

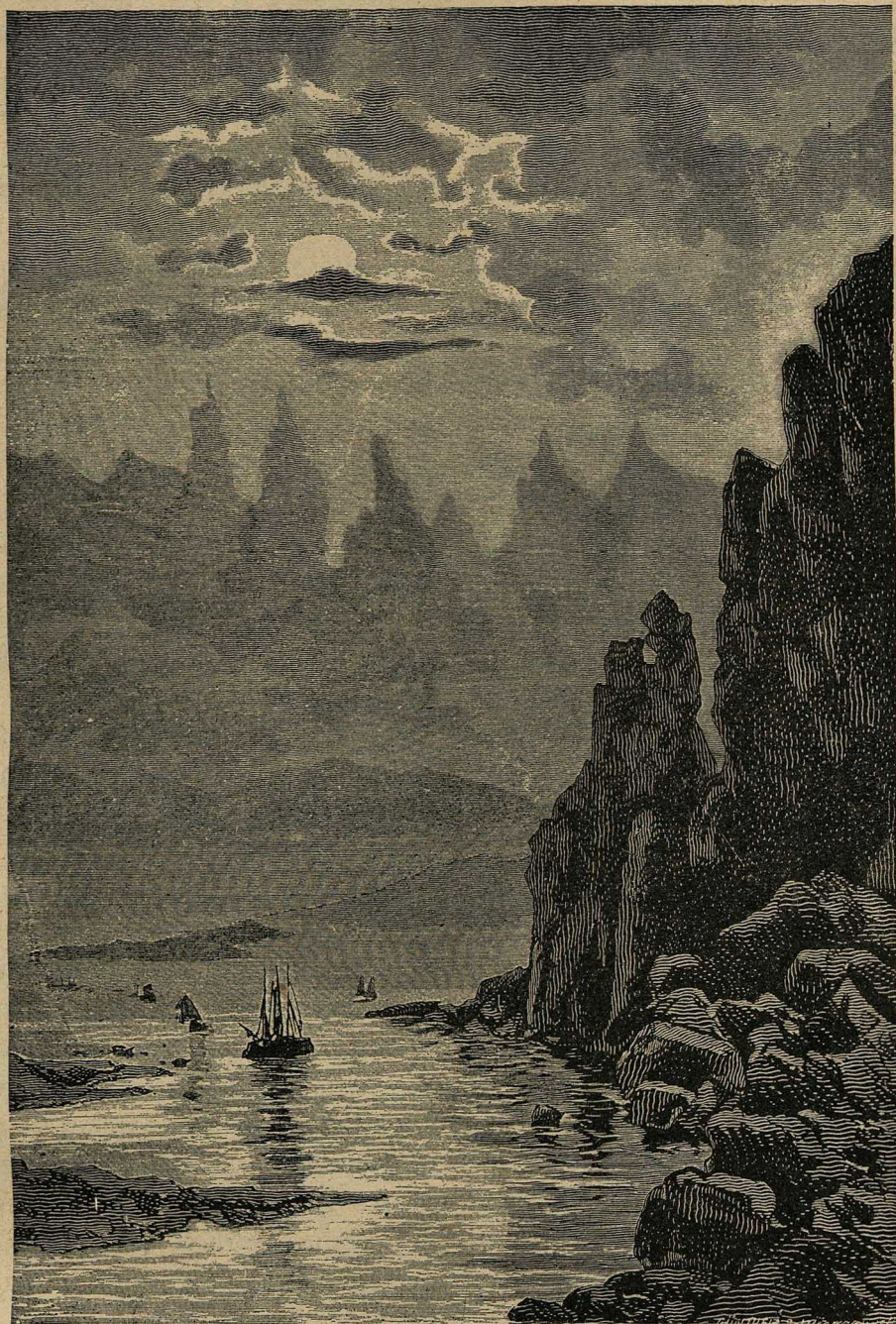
Она засуматошилась, забрехала деньгами и сама побѣжала ему платить.

— Что-жъ вы не написали? спросила ее бабушка, когда она возвратилась назадъ. — Я-бы выслала за вами своихъ лошадей! Вѣдь стоятъ зря и даромъ жуютъ овесь!

— Да такъ нечаянно собрались, отвѣтила Настасья Ивановна. — Ужъ очень Борѣ захотѣлось сюда!.. Насилу отпустили...

Олени.

Скалистые берега.

Сѣли пить чай и только тутъ бабушка замѣтила, что не хватало еще Фроси.

— А Евфросинья гдѣ? встревожилась она.—Фрося-то, Фрося гдѣ?

Точно прорвавшаяся плотина, заговорили всѣ сразу. Настасья Ивановна, Боря и Кися, перебивая другъ дружку, стали рассказывать бабушкѣ, какъ Анна Павловна узнала во Фросѣ свою когда-то пропавшую дочь, какъ Фрося счастлива теперь, что нашла свою мать, и какъ не хотѣла возвращаться безъ нея домой. Бабушка слушала ихъ въ удивленіи, смотрѣла большими глазами, то на одного, то на другихъ и набожно крестилась.

— Ну, слава Богу!.. говорила она.—Подавай имъ обѣдимъ Богъ! Фрося хорошая!..

И она заставляла ихъ рассказывать объ этомъ необыкновенномъ событіи еще и еще, и ей казалось, что она во снѣ, что надъ ней смѣются и хотятъ пошутить и что Фрося спряталась гдѣ-нибудь въ прихожей и не хочетъ оттуда выходить. Но серьезная какъ и всегда, Настасья Ивановна подтвердила ей нѣсколько разъ, что Фрося дѣйствительно нашла свою мать, и для растерявшейся бабушки ужъ не оставалось ничего, какъ только повѣрить.

— Странности-то, странности какія! шептала она.—Кто-бъ могъ этому повѣрить? И бываютъ-же

такіе случаи на землѣ. Вотъ ужъ именно гора съ горой не сходится, а человѣкъ съ человѣкомъ сойдется всегда!

Но рассказанный случай не давалъ ей покоя. Отпили чай, убрали посуду со стола, Боря и Кися убѣжали куда-то далеко, а она все ходила взадъ и впередъ по гостиной и все думала о Фросѣ. Убѣжденная въ правотѣ словъ Настасьи Ивановны и дѣтей, она все еще не была убѣждена, удивлялась, сомнѣвалась, радовалась и благодарила Бога за то, что онъ соединилъ наконецъ мать и дочь, и набожно крестилась.

— Ну, слава Богу! повторяла она.—Фрося хорошая!.. Это Богъ услышалъ ея молитву!..

Но что-то въ самой глубинѣ ея души говорило ей, что это было не то, что здѣсь было какое-то недоразумѣніе и что если-бы Фрося дѣйствительно была дочерью такой благородной женщины изъ высшаго круга, какою была Анна Павловна, то ее никогда не подбросили-бы къ такимъ темнымъ людямъ, какъ Никита и Пелагея, а скорѣе отдали-бы ее въ какой-нибудь пріютъ. И продумавъ объ этомъ чуть не цѣлый часъ все еще не вѣря себѣ и своимъ, она не выдержала и кликнула къ себѣ опять Кисю.

— Кися! Пойди-ка скорѣе сюда!

Кися прибѣжала къ ней одна. Боря занялся своими остававши-

мися безъ него игрушками, весь углубился въ нихъ и не пошелъ.

— Расскажи-ка мнѣ, Кисюша, опять! обратилась къ дѣвочкѣ бабушка. — Только ты все по порядку и не спѣши. А то трещать всѣ разомъ, какъ сороки... Ну, какъ было дѣло?

Кися отчетливо и толково повторила ей свой рассказъ.

— Да какъ Анна-то Павловна узнала, что Фрося ея дочь? спросила озадаченная бабушка. Какъ она-то объ этомъ догадалась? По какому признаку она ее узнала?

Кися подняла кверху глаза, посмотрѣла на потолокъ и вдругъ вспомнила.

— Ахъ, да, да! воскликнула она. — Теперь я припоминаю! Видишь-ли, бабушка, у Анны Павловны когда-то была дочь Маруся, которая погибла гдѣ-то у береговъ Франціи во время пожара на кораблѣ. Сама Анна Павловна спаслась, а ее дочь тоже спасли, привезли сюда въ Россію и подкинули къ намъ. Это и есть та самая Маруся, которую мы называемъ Фросей!

— Фросей... Марусей... У береговъ Франціи... Пожаръ какого-то корабля... заговорила бабушка. — Ровно ничего не понимаю.

— Ахъ, какая ты, бабушка! Ну, понимаешь, Анна Павловна плыла когда-то со своей Марусей на пароходѣ въ Бретань... Это гдѣ-то во Франціи... Не Британія, а Бретань! По дорогѣ на пароходѣ случился

пожаръ, но Анна Павловна и ея ребеночекъ спаслись и только ихъ выбросило въ разныя стороны! Вотъ и все!

Бабушка услышала о пожарѣ парохода у береговъ Бретани и насторожилась. Сердце у нея сильно забилось. Она вспомнила то, что случилось десять лѣтъ тому назадъ.

— Ну, ну? нетерпѣливо сказала она. — Продолжай!

— Я уже, бабушка, рассказала все!

Бабушка провела рукою по глазамъ и по лбу.

— Да что я за дура за такая, проговорила она, — что все таки не понимаю ничего!

И собравшись съ духомъ, она уже въ десятый разъ задала Кисѣ все одинъ и тотъ-же вопросъ:—

— Да ты мнѣ отвѣть только, сказала она, — по чему, по какому признаку Анна Павловна-то догадалась, что это именно ея дочь?

Кися задумалась.

— Право, не знаю... отвѣтила она.

— Ты расскажи все по порядку, не утаивай ничего!

— Ну, вотъ слушай! Анна Павловна устраивала елку и пригласила много дѣтей. Я и Фрося пошли одѣваться къ себѣ въ дѣтскую и вдругъ оказалось, что для Фроси забыли захватить изъ дому воротничекъ. Мнѣ стало ее жалко. Тогда я сняла съ себя ту нитку

жемчуга, которую ты приказала нянѣ надѣть на меня и надѣла ее на Фросю. А затѣмъ мы вышли къ елкѣ. Когда Анна Павловна увидѣла Фросю, то она тотчасъ-же узнала ее, увела ее къ себѣ въ спальню и долго тамъ съ нею вмѣстѣ просидѣла.

Теперь для бабушки было ясно все.

— Дура! воскликнула она и вскочила съ мѣста.—Что ты надѣлала? Зачѣмъ ты отдала Фросѣ свое ожерелье? Вѣдь я приказала надѣть его на тебя!

Кися посмотрѣла на нее большими, удивленными глазами.

— А что? спросила она.

Но бабушка ужъ не слышала ее. Она стала хвататься то за одинъ предметъ, то за другой, засуматошилась, засуетилась и только повторяла: —

— Ахъ, Боже мой, Боже мой!.. Да какъ-же это такъ случилось?.. Что теперь дѣлать?

Она кликнула къ себѣ Настасью Ивановну, заперлась съ ней и онѣ долго о чемъ-то говорили. Настасья Ивановна вышла отъ нея черезъ часъ вся заплаканная и встревоженная не менѣе, чѣмъ сама бабушка. Ночью у бабушки мучительно болѣла голова, а когда въ окнахъ забрезжился новый поздній сѣверный разсвѣтъ, то она была уже на ногахъ и собиралась въ путь.

— Скорѣй, скорѣй! торопила она.—Какъ-бы не опоздать!

По прежнему на дворѣ была метель, но лошади ужъ спозаранку стояли укрыльцами и побрякивали бубенчиками. Кое-какъ бабушка попила кофе и желтая, неспавшая всю ночь, но съ красными, опухшими отъ слезъ глазами, она стала одѣваться въ лисью ретонду и въ высокіе плисовые сапоги.

— Ксенія! кликнула она Кисѣ.— Изволь одѣваться и ты! Поѣдемъ!

— Поѣдемъ? удивилась Кися.— Куда?

— Слушайся, когда тебѣ говорятъ!

Кися покорно одѣлась въ шубку и башлычокъ и послѣдовала за бабушкой. Настасья Ивановна и Боря смотрѣли имъ вслѣдъ, ничего не говорили и не понимали ничего. Что это вдругъ сдѣлалось такое съ бабушкой? Почему это она такъ сразу перемѣнилась? Куда это она такъ рано вдругъ собралась?

Грузно, не превыкая давно уже выѣзжать изъ дому, бабушка усѣлась наконецъ въ кибитку. Кися послѣдовала туда-же за ней. Настасья Ивановна окутала ихъ мѣхами, подоткнула со всѣхъ сторонъ, а встревоженный Боря смотрѣлъ на все это черезъ двойную раму окна и ничего не понималъ.

— Трогай! слышался голосъ бабушки.—На вокзалъ!

Кучеръ щелкнулъ кнутомъ, лошади сорвались съ мѣста, и, взрывающая глубокія колеи, кибитка на-

правились къ воротамъ. Разозлившаяся метель тотчасъ-же замела за нею слѣдъ и скрыла ее отъ глазъ Бори тонкой, бѣлесоватой снѣжной пеленой.

Настасья Ивановна съ Борей остались одни.

— Что случилось, няня? спрашивалъ ее Боря.—Куда это уѣхали бабушка и Кися? И зачѣмъ?

Настасья Ивановна крестилась на образъ, глубоко вздыхала, тяжело охала и неохотно отвѣчала на его вопросы.

— И - и, миленькій, всему свое время!.. говорила она.—Если Богу будетъ угодно и все обойдется благополучно, то узнаешь самъ и безъ меня!

Значить, случилось, что-то неблагоприятное. Боря встревожился, весь ушелъ въ себя и долго и напряженно думалъ. Привычка быть одному и думать помогли ему и на этотъ разъ и онъ, какъ тѣнь, сталъ одиноко ходить по опустѣвшимъ комнатамъ и молча ждать.

Въ тотъ-же день вечеромъ, когда Боря находился уже въ постелѣ и никакъ не могъ заснуть отъ одолѣвавшихъ его думъ, вдругъ возвратилась изъ города бабушка. Приѣхала она не одна, а привезла съ собой еще Анну Павловну, Кисю и Фросю. Заслышавъ ихъ голоса, онъ вскочилъ съ постельки, взвизгнулъ отъ радости и, какъ былъ, въ одной рубашкѣ, выско-

чилъ къ нимъ навстрѣчу. Онъ уже раздѣвались и входили въ гостиную. Впереди шла бабушка, веселая и торжествующая, и сіяніе такъ и шло отъ нея въ разные стороны. За ней шествовала Анна Павловна, тоже сіявшая радостью и довольствомъ, и Кися и Фрося висѣли у нея сбоковъ, какъ двѣ большія серьги.

— Иди, иди сюда скорѣе, мой сынокъ! обратилась къ Борѣ Анна Павловна, и, освободившись на минуту отъ дѣвочекъ, прижала его къ своей груди. Тепленькій, согрѣтый подъ одѣяломъ, онъ тотчасъ-же почувствовалъ на ея лицѣ еще не остывшій холодокъ и прижался къ ея щекѣ своей щекой.

— Ну, вотъ и хорошо! сказала бабушка.—Вотъ и слава Богу, что все устроилось такъ благополучно. Настасья Ивановна, поди-ка ты сюда!

Настасья Ивановна выплыла откуда-то изъ темноты и низко поклонилась ей и гостямъ.

— Помнишь, Настасья, какъ десять лѣтъ тому назадъ намъ выкинуло изъ моря въ Бретани ребенка? Ну, такъ знай теперь, что наша Кися—ея родная дочь!

И она указала ей на Анну Павловну.

Настасья Ивановна набожно закрестилась.

— Ну, слава Богу, слава Богу!.. зашептала она.—Теперь, значить, наша барышня не сирота!..

— И я тоже дочь! И я тоже ея дочь! воскликнула Фрося и еще тѣснѣе прижалась къ Аннѣ Павловнѣ.—Я не разстанусь съ мамой никогда!

Анна Павловна взяла ее, Кисю и почти голенькаго Борю въ охабку, крѣпко обняла ихъ всѣхъ и слезы вдругъ брызнули у нея изъ глазъ.

— Всѣ вы трое мои! отвѣтила она.—Я ваша мама и никому васъ не отдамъ!

Настасья Ивановна плакала навзрыдъ. Впрочемъ, у нея глаза всегда были на мокромъ мѣстѣ, но за то бабушка торжествовала.

— Ну-съ, милые мои, сказала она наконецъ,—теперь надо чего-нибудь поѣсть, да и бай-бай!

— Бабушка! вдругъ закричали всѣ дѣти разомъ.—Позволь намъ посидѣть еще!

Но бабушка оставалась неумолимой. Зазвенѣла посуда, застучали тарелки, вилки и ножи и всѣ, въ томъ числѣ и голенькій Боря, усѣлись за столъ. Это былъ удивительный ужинъ: ѣли, что Богъ послалъ, но всѣмъ было весело и радостно на душѣ и никому и въ

голову не приходило, что на дворѣ все еще выла вьюга и бѣдныя деревья низко склонялись отъ вѣтра къ землѣ.

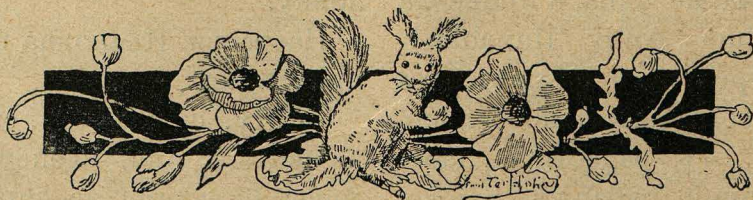
И старый домъ снова ожилъ, засвѣтились огни, раздались голоса, захопотали люди, и неумолимое колесо жизни повернулось для бабушки назадъ. Ей стало казаться, что она помолодѣла сразу на нѣсколько десятковъ лѣтъ, что въ этой новой семьѣ Богъ послалъ ей ея собственную семью, она не могла наглядѣться на Анну Павловну и ея дѣтей и только украдкой поглядывала на образъ и крестилась.

— Славу Богу! повторяла она.—Теперь ужъ до самой смерти я буду не одна! Гдѣ будутъ они, тамъ буду и я. Ихъ Богъ—мой Богъ, ихъ вѣра—моя вѣра, въ богатствѣ, въ бѣдности, въ болѣзни, въ здоровьѣ, въ счастьѣ, въ несчастьѣ, пока не разлучитъ насъ Богъ!

И полная искренней, глубокой благодарности за себя и за дѣтей, она уже строила планы, мечтала о будущемъ и это будущее теперь казалось ей прекраснымъ и полнымъ надеждъ впереди.

К О Н Е Ц Ъ .

М Б—скій.

Г Р И Б Н А Я П О Р А .

Жара настала... То-то радость!
Въ аллеѣ—нѣжный запахъ липъ,
Въ лѣсу—что ягода, то сладость
И что пенекъ, то бѣлый грибъ.

Набравъ грибовъ и земляники,
Они бѣгутъ къ водѣ толпой,
Ныряютъ, плаваютъ и крики
Ихъ долго слышны надъ рѣкой.

И взявъ корзинки и лукошки,
Бѣгутъ ребята въ лѣсъ, въ кусты,
И горсти полныя морошки
Себѣ запихиваютъ въ рты.

И, прокупавшись дольше часу,
Они домой бѣгутъ потомъ
И просятъ:—„Квасу, квасу, квасу!
Уфъ, жарко! Квасу намъ со льдомъ!“

Ирисъ.

ЗА ТАИНСТВЕННОЙ ДВЕРЬЮ.

Какъ-то неожиданно мама собрала Женю въ дорогу, папа самъ отвезъ ее на вокзалъ и усадилъ въ вагонъ, а когда она приѣхала на станцію Лукошки, то ее встрѣтилъ тамъ самъ дядя-Жоржъ, высокій господинъ съ розовыми щеками и большою русой бородой.

— Эге! сказалъ онъ.—Да ты, племянница, выросла уже настолько, что тебя отпускаютъ одну по желѣзной дорогѣ! Это хорошо! Надо пораньше привыкать быть храброй!

Онъ усадилъ ее въ санки, укрылъ ей ноги мѣхомъ, усѣлся рядомъ съ ней и дернулъ за возжи. Лихой рысакъ снялся съ мѣста и стрѣлой помчался по снѣжной, гладкой дорогѣ. Женѣ было приятно, что она была въ деревнѣ въ такое неурочное время и что такъ быстро бѣжалъ рысакъ. Онъ забрасывалъ ее комьями снѣга, которые попадали ей прямо въ лицо. Ей льстило также и то, что дядя

Жоржъ считалъ ее уже большою, не смотря на ея всего только одиннадцатъ лѣтъ.

Дядя былъ когда-то помѣщикомъ, но продалъ свое имѣніе и поступилъ управляющимъ къ знаменитому графу, у котораго завѣдывалъ громаднымъ хозяйствомъ. Десятки тысячъ десятинъ лѣсовъ и полей находились въ его вѣдѣніи и онъ занималъ въ усадьбѣ графа флигель, находившійся невдалекѣ отъ большого, стариннаго графскаго дома, всего только черезъ дворъ.

— А ты захватила съ собой коньки? вдругъ обратился дядя къ племянницѣ.

— Захватила, отвѣтила Женя.

— Ну, вотъ и хорошо, а то, пожалуй, тебѣ у насъ будетъ скучно. Вѣдь у насъ ты будешь одна!

И послѣ нѣкотораго молчанія онъ добавилъ:

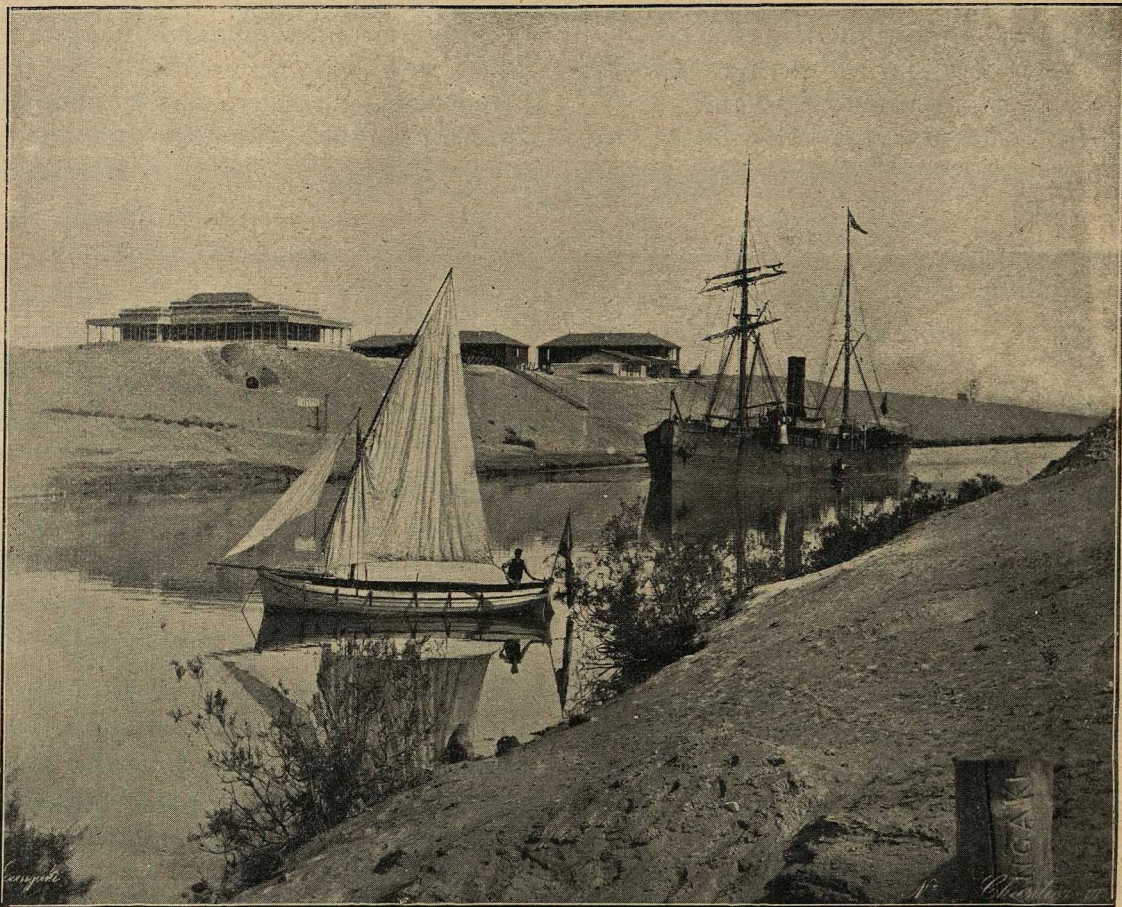
— Впрочемъ, у насъ есть дѣвочка Агаша.—Она доитъ коровъ!

Ты можешь съ ней сдружиться и играть вмѣстѣ!

„Дѣвочка Агаша, которая доить коровъ...“ брезгливо подумала Женя и ей почему-то вспомнилось, какъ съ недѣлю тому назадъ, когда у нея были въ гостяхъ ея подруги,

щаешься съ ними, какъ съ подчиненными, точно ты имъ начальница, а не подруга! Что это за тонъ? Что это за манера разговаривать? Пожалуйста, не воображай, что ты лучше ихъ!

Женѣ стало неловко и она съ

У береговъ Аравіи.

папа вдругъ отозвалъ ее въ сторону и сказалъ:

— Почему ты такъ не любезна сегодня со своими гостями?

— Я? удивилась Женя. — Не любезна?

— Да, ты даже и не замѣчаешь этого! продолжалъ папа. — Ты обра-

нахмуреннымъ видомъ отошла къ подругамъ.

Поздно вечеромъ, когда уже ложились спать, она услышала, какъ папа и мама разговаривали въ сосѣдней комнатѣ.

— Нужно будетъ отправить Женю недѣльки на двѣ къ дядѣ,

сказаль папа.— Она тамъ поправится на чистомъ воздухѣ и вернется румяной. Нужно хвататься за каждый случай, когда представляется возможность отправить ребенка въ деревню.

— Но вѣдь тамъ ей будетъ скучно одной! отвѣтила мама.

— Ничего, сказалъ папа.— Найдется какая-нибудь Оеклуца или Агаша, съ которой она сдружится и не замѣтитъ, какъ пролетитъ время. Кстати, она тамъ научится цѣпить и своихъ подругъ!

Женя поняла тогда, что этимъ хотѣлъ сказать ея папа, и теперь, когда она ѣхала съ дядей на сани, эти его слова пришли ей на умъ.

Ее собрали къ дядѣ на другой же день и поручили одной знакомой дамѣ, ѣхавшей куда-то далеко, довести ее до станціи Лукошки. Дядя не видалъ этой дамы и думалъ, что Женя пріѣхала одна.

И вотъ Женя стояла теперь на порогѣ коровника, въ которомъ дѣвочка-Агаша доила корову, и хвасталась передъ этою самою Агашей тѣмъ, что имѣла.

— Да, у меня кукла, какъ настоящій ребенокъ! говорила она.— Такая-же большая! Но чего ты смотришь на мое платье? Ты думаешь, что это мое самое нарядное? Это—только простое, рабочее. Вотъ если-бы ты видѣла мое новое! Ты знаешь, что такое вуаль?

Агаша, маленькая крестьянская дѣвочка, сроду не выдавшая городскихъ дѣтей и даже не понимавшая, что такое шелкъ, отрицательно покачала головой.

— Не знаешь? Это такая то-

ненькая-тоненькая прозрачная матерія! Когда мы танцуемъ менуэтъ, то я должна приподнять платье вотъ такъ, сдѣлать низкій поклонъ и—разъ, два, три, четыре...

Она растегнула шубку, взялась за кончики платья, сошла въ коровникъ и стала танцовать на соломѣ.

— Разъ, два, три, четыре!... Разъ, два, три, четыре!...

И вдругъ, споткнувшись о ведро съ помоями, приготовленными для коровы, она упала на него, повалила и измазалась въ помояхъ сама.

Были тутъ и другія молочницы, которыя тоже доили коровъ. Онѣ съ удовольствіемъ наблюдали, какъ танцевала барышня, и вдругъ залились звонкимъ смѣхомъ. Стала громко смѣяться и Агаша. И вдругъ въ коровникъ вошелъ самъ дядя-Жоржъ. Увидѣвъ племянницу всю въ картофельныхъ кожуркахъ, въ корочкахъ хлѣба и въ остаткахъ отъ вчерашней, прокисшей каши, онъ удивился и тоже весело сталъ смѣяться.

— Женя, что это съ тобой? воскликнулъ онъ.— Въ чемъ это ты вымазалась?

И взявъ ее за руку, онъ повелъ ее переодѣваться домой. Она шла за нимъ, и чувствовала, что на нее смотрѣло нѣсколько глазъ, и долго еще слышала доносившійся изъ коровника смѣхъ.

— Мнѣ не нравится, что онѣ смѣются! хмуро сказала она дядѣ.— Какъ онѣ смѣются?

— Почему-же не посмѣяться, когда смѣшно? отвѣтилъ дядя.

Она ничего не сказала ему и рѣшила отомстить: теперь она никогда ужъ больше не будетъ раз-

сказывать Агашѣ объ урокахъ танцевъ и о томъ, что имѣеть! Она не будетъ съ ней вовсе разговаривать!

Послѣ этого Женья дня четыре не ходила въ коровникъ.

— О тебѣ каждый день освѣдомляется Агаша! сказала ей какъ-то тетя-Оля.— Отчего ты съ ней больше не разговариваешь? Она хорошая дѣвочка! Подружись съ ней!

Женья отвернулась.

— Ахъ, тетя, съ высококомѣриемъ отвѣтила она,—эта ваша Агаша со своими красными, какъ у гуся, руками мнѣ совсѣмъ не компанія! Посмотри, какіе на ней башмаки!

Тетя-Оля поглядѣла на нее большими, удивленными глазами и не сказала ни слова. Женья надѣла коньки и побѣжала кататься на прудъ. Деревенскіе мальчишки въ большихъ отцовскихъ валенкахъ и въ шапкахъ съ наушниками выскочили на нее глядѣть и съ разинутыми отъ удивленія ртами, стали смотрѣть, какъ она описывала круги, и ей было лестно, что они на нее глядѣли.

Затѣмъ начались жестокіе морозы. На плитѣ цѣлые дни кипѣлъ большой чайникъ и дядя-Жоржъ то и дѣло приводилъ откуда-то полузамерзшихъ мальчиковъ и поилъ ихъ горячимъ чаемъ. Это были школьники, шедшіе изъ школы изъ дальняго села. Забѣгавъ проѣзжавшій мимо почтарь, весь заиндивѣвшій и превратившійся въ сосульку. Заходила какая-то нищая. И всѣ они съ удовольствіемъ грѣлись въ кухнѣ и пили чай. Женья увидала ихъ и спросила:

— Развѣ ты, дядя, обязанъ поить всѣхъ ихъ чаемъ?

Дядя-Жоржъ вывелъ ее изъ кухни и укоризненно отвѣтилъ:

— Попробуй-ка цѣлый день побѣгать на холодѣ сама съ пустымъ желудкомъ, тогда и позабудешь, какъ задавать глупые вопросы!

Въ другой разъ въ кухню принесли маленькую школьницу. Она такъ озябла, что еле могла двигаться. Тетя-Оля сняла съ нея сапоги и приказала Женѣ стащить съ нея чулки.

— Быть можетъ, она отморозила себѣ ноги! сказала она.— Тогда надо будетъ ихъ оттереть!

Чулки были грязные, Женѣ было противно къ нимъ прикоснуться, и она сдѣлала гримасу и вышла изъ кухни, такъ и не снявъ ихъ съ дѣвочки. Тетя опять посмотрѣла ей вслѣдъ и ничего не сказала.

Затѣмъ морозы прекратились и жизнь вошла въ свою колею.

Однажды утромъ, только-что Женья собралась идти съ санками кататься съ горы, какъ вдругъ увидѣла, что тетя-Оля идетъ съ ключами черезъ дворъ къ большому барскому дому. Женья тотчасъ-же бросила санки и побѣжала къ тетѣ.

— Тетечка, ты въ домъ? спросила она.

— Да, отвѣтила тетя-Оля.— Иду посмотрѣть, не попортили-ли тамъ чего-нибудь мыши и не хозяйничаютъ-ли моль?

— Возьми и меня съ собой!

— Пойдемъ!

И онѣ отправились къ дому.

Большой, старинный, съ массою комнатъ, графскій домъ стоялъ теперь одиноко съ полной обстановкой, уцѣлѣвшей еще съ прошлаго столѣтія, и казался уснув-

шимъ глубокимъ сномъ. Позади него тянулся громадный паркъ съ безконечными липовыми аллеями, теперь засыпанный снѣгомъ, изъ подъ котораго тамъ и здѣсь выглядывали мраморныя фигуры, такия-же бѣлыя, какъ и снѣгъ. Повсюду виднѣлись бесѣдки, мостики, и гроты, но все это теперь было недоступно и только видны были заячьи слѣды, да кто то, повидимому, сторожъ, прошелъ изъ края въ край на лыжахъ.

Тетя отперла парадную дверь и онѣ вошли въ просторную, красивую передню. Опять зазвенѣли ключи, опять тетя отперла дверь и Женя проскользнула сквозь нее въ обширный свѣтлый залъ. Ярконатертые полы отразили въ себѣ и ее, и тетю, какъ уже много десятковъ лѣтъ отражали въ себѣ большія стрѣльчатая окна и мебель.

— Какъ здѣсь хорошо! воскликнула Женя и прокатилась по полу такъ, точно была на конькахъ.

Изъ зала онѣ перешли въ гостинную. Здѣсь царил полумракъ. Тетя открыла ставни и блѣдное, зимнее солнце освѣтило старинную обстановку. Женя ни дома, ни у подругъ, никогда еще не видѣла такихъ бѣлыхъ съ золотомъ кресель и дивановъ, стульевъ съ круто изогнутыми ножками, обитыхъ дорогою розовой матеріей, и такихъ изящныхъ шкафчиковъ. Все немножко поблекло, но продолжало быть стильнымъ и красивымъ. Женя съ восторгомъ оглядывается кругомъ.

— Боюсь, какъ-бы отъ холода здѣсь не растрескалась краска на мебели, говоритъ тетя и встряхиваетъ тяжелую драпировку на

окнѣ.—Фу, какая пыль! И откуда только она берется!

Женя беретъ со стола фарфоровую вазочку и осматриваетъ ее со всѣхъ сторонъ.

— Какая хорошенькая!... говорить она.

И вдругъ къ ней подбѣгаетъ тетя, вырываетъ у нея изъ рукъ эту вазочку и ставитъ ее на прежнее мѣсто.

— Ничего не трогай здѣсь, шалуныя! говорить она.—Ты знаешь,—эта вазочка стоитъ нѣсколько сотъ рублей.

Дѣвочка переходитъ съ тетей изъ комнаты въ комнату, и вся раскраснѣвшись, не знаетъ, на что ей глядѣть. Все производитъ на нее такое впечатлѣніе, точно она попала въ музей. Сверкающими глазами она глядитъ кругомъ и ей кажется страннымъ, что въ этомъ домѣ давно уже никто не живетъ. Затѣмъ переходятъ въ портретную.

Тетя останавливается передъ портретомъ ребенка съ краснымъ спѣлымъ яблокомъ въ рукахъ, и двухъ дѣвочекъ, которыя глядятъ со стѣны, какъ живыя, и смѣются.

— Это—работа знаменитаго художника... говорить она... Впрочемъ, ты этого не поймешь! Это сестры-близнецы, графини Анненька и Наденька... Говорятъ, ихъ очень любила сама императрица.

— Вотъ-бы поиграть съ ними и побѣгать по этимъ заламъ! говорить Женя.

По лицу тети пробѣгаетъ печальная улыбка.

— О, дитя мое! отвѣчаетъ она.— Онѣ умерли еще тогда, когда въ Россію только что собирался

придти Наполеонъ! Этому прошло уже болѣе ста лѣтъ!...

Женя бѣжитъ дальше. Тетя слѣдуетъ за нею. Онѣ входятъ въ комнату со старинной мебелью краснаго дерева, милой и ласковой, такую, какую Женя видѣла не разъ у своей бабушки. Диванъ, передъ нимъ—круглый столъ, кругомъ—стулья. У стѣны старинный фортепiанъ, похожій на длинный ящикъ. У окна—на тоненькихъ высокихъ ножкахъ рабочій столикъ. По стѣнамъ—старинныя гравюры въ красныхъ рамахъ, изображающія пастушковъ, пастушекъ и мирныя стада овецъ. На окнахъ—ситцевыя занавѣси съ большими цвѣтами. Женя оглядывается по сторонамъ и ей прiятно, что она сюда попала.

— Вотъ объ этой комнатѣ я знаю больше! говоритъ тетя.— Она принадлежала „Бѣлой лиліи“. Такъ звали молоденькую графиню... Она была кроткимъ, прелестнымъ ангеломъ, краснымъ солнышкомъ всей этой усадьбы. Въ деревнѣ ее боготворили, она посѣщала самыя бѣдныя семьи, носила лекарства больнымъ, и игрушки дѣтямъ. Тамъ она заразилась скарлатиной и умерла шестнадцати лѣтъ. Вотъ взгляди на ея портретъ!

Женя подошла къ портрету. На немъ была нарисована молоденькая дѣвушка съ нѣжнымъ выраженiемъ лица. Свѣтлыя волны мягкихъ волосъ падали ей на плечи. Бѣлое платье съ пышными рукавами было перетянута у талии широкой розовой лентой. И оттого, что эта дѣвушка умерла въ такихъ молодыхъ годахъ, она показалась Женѣ прекрасной, какъ ангель.

— Вотъ это ея рабочій столикъ!.. продолжала тетя—Оля и выдвинула ящикъ. Посмотри, какія въ немъ мылыя, чисто-дѣвичьи вещицы!

Женя поглядѣла въ ящикъ: тамъ въ большемъ порядкѣ было положены вещи для вышиванiя, бумага, шелки, ножницы, похожія на журавля, и золотой наперстокъ.

— Всѣ эти ея вещицы берегутся здѣсь, какъ святыня, сказала тетя.—Ну, а теперь пойдемъ дальше!

Женя еще разъ посмотрѣла на портретъ, откуда на нее взглянули ясныя, добрые глаза „Бѣлой Лиліи“, и послѣдовала за тетей.

Тетя открываетъ по пути одну дверь за другою и всюду съ озабоченнымъ видомъ приглядывается къ мебели, не испортили-ли на ней обивку моль?

— А эта дверь? вдругъ спрашиваетъ Женя.—Ты, тетя забыла ее отпереть!

Тетя—Оля подходитъ къ двери и качаетъ головой.

— Эта дверь не отворяется!.. отвѣчаетъ она.—Ни одинъ нашъ ключъ къ ней не подходитъ! Не даромъ-же она и оклеена съ этой стороны обоями! Да, впрочемъ, въ этой комнатѣ, кажется, нечего и глядѣть. Тамъ—дѣтская.

Женя съ разочорованiемъ оставливается около таинственной двери. Тамъ дѣтская! Вотъ гдѣ, должно быть хорошо! Навѣрное, тамъ еще уцѣлѣли игрушки тѣхъ двухъ веселыхъ дѣвочекъ-близнецовъ Анненьки и Наденьки, которыхъ Женя видѣла на портретѣ, или сохранилось что-нибудь принадлежавшее когда-то „Бѣлой Лиліи“.

— Неужели-же она не открывается? задаетъ Женя вопросъ, но тетя уже не слышитъ ея и ея шаги раздаются уже на лѣстницѣ.—

— Тетя, гдѣ ты? Подожди меня! Куда ты такъ спѣшишь?

Но что-то привлекаетъ вниманіе тети—Оли и она спѣшитъ поскорѣе внизъ.

— Посиди тамъ наверху! кричитъ она Женѣ.—Отдохни. Я скоро вернусь!

Дѣвочка садится въ большое, мягкое кресло съ высокой спинкой, стоящее невдалекѣ, и начинаетъ мечтать о запертой двери. Что тамъ за ней? Почему она одна только заперта?

Гдѣ то далеко, внизу, слышаться шаги тети—Оли и передвиганье стульевъ и кресель.

„Должно быть, тамъ что-нибудь испортила моль“, думаетъ дѣвочка, подбираетъ подъ себя ноги и еще глубже забирается въ кресло. Прохладно. Ей что-то звѣдается. Она встала сегодня утромъ, когда еще было темно, и долго ожидала, когда поднимутся и всѣ другіе. Внизу по прежнему раздаются шаги тетки и передвиганіе мебели. Женя подбираетъ подъ себя ножки, закрываетъ ихъ подоломъ платья и начинаетъ думать о дѣтской, о „Бѣлой Лили“, о мальчикѣ съ яблокомъ и о дѣвочкахъ-близнецахъ.

И вдругъ передъ нею открывается таинственная дверь и изъ нея высыпаютъ дѣвочки и мальчики, всѣ въ странныхъ, старомодныхъ костюмахъ, и окружаютъ ее со всѣхъ сторонъ.

— Смотрите! смотрите! говорятъ они.—Чья-то чужая дѣвочка!

Какой-то высокій мальчикъ съ

кружевнымъ воротникомъ и рукавчиками и съ косичкой, падающей на спину, подбѣгаетъ къ ней и трогаетъ ее за плечо. Не-высокая дѣвочка, наряженная какъ большая, и въ туфелькахъ на чрезвычайно высокихъ каблукахъ, оглядываетъ ее въ лорнетъ. Позади нихъ—еще двѣ дѣвочки—въ такихъ костюмахъ, какіе Женя видѣла только что на портретахъ, близко склонившись другъ къ другу, указываютъ на нее и смѣются. Мальчики и дѣвочки столпились вокругъ нея, указываютъ на нее пальцами, смѣются и говорятъ:

— Кто она? Откуда эта замарашка? Зачѣмъ она сюда пришла? Посмотрите, какъ нехорошо она одѣта! Это мужичка!

Женя чувствуетъ неловкость, яркая краска заливаетъ ея лицо и она смущенно теревитъ свой толстый вязанный платокъ. Только теперь она замѣчаетъ, какъ просто и некрасиво она одѣта и какъ рѣзко отличается ея платье отъ старинныхъ костюмовъ этихъ дѣтей. На высокомъ мальчикѣ надѣты свѣтлый шелковый кафтанъ и туфли съ блестящими пряжками. На боку у него виситъ настоящая маленькая шпага. Онъ держитъ подъ мышкой трехугольную шляпу, отдѣланную гагачьимъ пухомъ. На всѣхъ дѣвочкахъ—дорогія шелковыя платья и блестятъ драгоценности на шеяхъ и на рукахъ.

— Кто ты? обращается къ Женѣ дѣвочка съ высокой прической и съ ниткой крупнаго жемчуга на шеѣ.—Зачѣмъ ты сюда пришла? Вѣдь ты мужичка!

Все дальше и глубже Женя за-

бивается въ кресло. Ей стыдно, что она такъ плохо одѣта и не имѣетъ такихъ изящныхъ манеръ, какъ эти дѣти. Она слышитъ, какъ всѣ они начинаютъ потомъ говорить по французски и по англійски и, вѣроятно, на ея счетъ, потому что глядятъ на нее и смѣются. Затѣмъ они обращаются на этихъ же языкахъ и къ ней.

— Я еще не умѣю говорить по-французски, — виновато отвѣчаетъ она. — Но я ужъ начала учиться... Ко мнѣ ходитъ въ городѣ мадмуазель... Я скоро буду умѣть...

— Ха-ха-ха! — раздаются кругомъ нея голоса. — Она еще не умѣетъ говорить по-французски! Такая большая дѣвочка и еще не говорить! Ха-ха-ха!..

— Да вѣдь она не изъ господъ! — восклицаетъ дѣвочка съ высокой прической и наводитъ на нее лорнетъ. — Она, вѣроятно, мужичка, крѣпостная!

И вдругъ Женя слышитъ чей-то строгій голосъ:

— Не издѣвайся надъ ней, Софи! — говоритъ этотъ голосъ. — Не нужно смѣяться надъ человѣкомъ, даже и тогда, когда онъ ниже тебя по положенію!

И кто-то подходитъ къ Женѣ, беретъ ее за руку, вводитъ въ дѣтскую и ставитъ на середину комнаты подъ большую люстру, на которой горятъ желтыя, восковыя свѣчи. Женя поднимаетъ глаза и видитъ передъ собою Бѣлую-Лилію. Ея золотые волосы блестятъ при свѣтѣ люстры, на ней бѣлое легкое, шелковое платье съ открытой шеей и руками и розовый поясъ изъ ленты перехватываетъ его высоко чуть не подъ самыми плечами. Женя смотритъ

на нее и удивленіе наполняетъ ея душу.

„А тетя Оля говоритъ, — думаетъ она, — что эта дѣвушка ужъ умерла отъ скарлатины еще сто лѣтъ тому назадъ!..“

Бѣлая Лилія кладетъ ей руки на плечи и долго оглядываетъ ея лицо.

— Ты можешь быть доброй, если захочешь... — говоритъ она. — У тебя доброе сердце, но нѣтъ желанія поработать надъ собой и быть полезной для другихъ... Ты только думаешь объ одной себѣ. Но это пройдетъ...

Женя опускаетъ глаза. Ей стыдно, что она не можетъ на это ничего возразить, и закрываетъ обѣими руками лицо.

— Ну, ничего!... — продолжаетъ Бѣлая-Лилія. — Сядь здѣсь, около этого малютки!

И она усаживаетъ Женю на диванъ, рядомъ съ маленькимъ мальчикомъ, лицо котораго кажется Женѣ ужасно знакомымъ. И длинное бѣлое платье на немъ ей также знакомо. Гдѣ она его видѣла? Онъ держитъ въ рукѣ яблоко, такое спѣлое, какихъ она никогда не ѣла. Женя начинаетъ его тихонько гладить по шелковистымъ волоскамъ и ребенокъ поворачиваетъ къ ней головку и довѣрчиво смѣется. А въ это время Бѣлая-Лилія выноситъ на подносѣ какія-то диковинныя лакомства и ставитъ ихъ на кругленькій столикъ.

— Софи, — обращается она къ дѣвочкѣ съ высокой прической, — угости эту чужую дѣвочку!

Софи дѣлаетъ презрительную гримасу и отворачивается.

— Ахъ, Бѣлая-Лилія, — отвѣча-

еть она — Это ваша чужая дѣвочка съ красными, какъ у гуся руками, совсѣмъ намъ не компанія! Ты посмотри, какіе на ней башмаки!

И она протягиваетъ свою ножку, обутую въ бѣлую атласную туфельку.

Отъ стыда и отъ обиды кровь бросается Женѣ въ лицо. Въ ту же минуту Бѣлая-Лилія подаетъ ей цѣлую горсть какихъ-то незнакомыхъ сластей.

— Не огорчайся!—говоритъ она ей.— Софи не хотѣла тебя обидѣть. Она обо всѣхъ судитъ еще по платью. Она не научилась еще видѣть въ людяхъ людей и считаетъ ниже себя всѣхъ, кто хуже ея одѣтъ...

— Давайте танцовать!—вдругъ слышится чей-то голосъ.

— Давайте, давайте!—отвѣчаютъ на него всѣ дѣти хоромъ.

И, раздвинувъ стулья и столы, дѣти становятся въ пары.

— Сперва вальсъ... Кто будетъ играть?

— Нѣтъ, менуэтъ! Менуэтъ! Давайте танцовать менуэтъ!

И всѣ начинаютъ танцовать этотъ старинный, граціозный танецъ.

— „Ну, ужъ этотъ-то танецъ я отлично знаю!“—думаетъ Женя и тоже становится среди танцующихъ. Она подхватываетъ юбочку двумя пальчиками и старается показать, какъ ее отлично учили. Но у этихъ чужихъ дѣтей все выходитъ какъ-то иначе. Можетъ быть, это оттого, что мягкій шелкъ ихъ платьевъ такъ ловко облегалъ ихъ тонкія фигуры, а можетъ быть и потому, что они дѣйствительно лучше танцуютъ. И вдругъ

Женя слышитъ, что всѣ эти знатныя дѣти издѣваются надъ ея синимъ, матросскимъ фланелевымъ платьемъ.

— Смотрите, смотрите!—слышится шопотъ.—Развѣ можно танцовать менуэтъ въ такомъ платьѣ? Вѣдь это карриатура! Это все равно, какъ если-бы маркизъ въ чулкахъ и въ парикѣ сталь-бы плясать „русскую“ въ присядку!

Женя хочетъ доказать всѣмъ этимъ дѣтямъ, что она вовсе не мужичка и что дѣйствительно умѣетъ танцовать менуэтъ, какъ и они, но ноги ея отказываются ей служить, пальцы на нихъ сжало что-то такъ больно, точно въ клещахъ, она вся дрожитъ и уже не можетъ стоять на мѣстѣ и садится на полъ.

— Что съ тобой?—спрашиваетъ ее Бѣлая-Лилія.—Отчего ты упала?

— Я не могу больше,—отвѣчаетъ Женя.—У васъ здѣсь холодно. Я ужасно озябла... У меня закончили руки и ноги... Я вся дрожу...

Бѣлая-Лилія осматриваетъ ей руки.

— Да, да,—говоритъ она,—ты отморозила ихъ. Вѣроятно, ты отморозила также и ноги... Снимай скорѣе башмаки!

Женя съ трудомъ стаскиваетъ башмаки съ окоченѣвшихъ ногъ, но руки перестаютъ слушаться ея и она никакъ не можетъ поладить съ чулками.

— Бѣдняжка!—говоритъ Бѣлая-Лилія.—Теперь у нея отвалятся пальцы на рукахъ и на ногахъ и она останется калѣкой.

Ужасъ наполняетъ сердце Жени. Неужели она такъ сильно отморозила себѣ и руки и ноги?

— Софи!—обращается Бѣлая-

Дчехъ рекомеждуется! новая книга для дѣтей: Цѣна 40 коп. Съ пересылкой 55 коп.

„Дружокъ и Оомка“.

Повѣсть съ иллюстраціями.

Выписывать изъ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство».

Лилія къ дѣвочкѣ съ высокой прической.—Ты видишь, какъ эта дѣвочка озябла? Ее надо скорѣе обогрѣть! Сними съ нея чулки!

Софи дѣлаетъ гримасу и, ничего не сказавъ, высокоомѣрно выходитъ въ сосѣднюю комнату. Какъ и тогда тетя-Оля, Бѣлая-Лилія печально провожаетъ ее взглядомъ.

— Что-жъ дѣлать? — говоритъ она.—Теперь ты должна остаться безъ рукъ и безъ ногъ. Мы напоили-бы тебя горячимъ чаемъ и согрѣли-бы тебя, но вѣдь мы не обязаны это дѣлать!

И она тоже отворачивается отъ нея и направляется къ двери. Всѣ остальные дѣти слѣдуютъ за нею. Увидѣвъ, что осталась одна, Женя приходитъ въ ужасъ, падаетъ на полъ и кричить:

— Ноги, мои ноги! Что я теперь буду дѣлать! Тетечка, тетя! Возьми меня отсюда поскорѣй!

И она заливается горячими слезами.

— Чего ты плачешь?—вдругъ слышится около нея знакомый голосъ.

Женя дѣлаетъ усиліе, открываетъ глаза и видитъ передъ собою тетю-Олю.

— Я задержалась немного внизу, а ты здѣсь заснула у окна... —продолжаетъ тетя.—Не хорошо, моя дѣвочка! Вѣдь здѣсь холодно! Можно простудиться!

Женя оглядывается по сторонамъ и протираетъ глаза, точно не вѣритъ тому, что все пережитое ею дѣйствительно было во снѣ, а не наяву.

— Ну, пойдѣмъ, пойдѣмъ!—ласково говоритъ ей тетя.—Вишь, какъ озябла! Даже носъ посинѣлъ. Пора пить чай!

Женя слѣзаетъ съ кресла и становится на ноги. Онѣ у нея точно деревянные. Пальцы на нихъ такъ озябли, что она не чувствуетъ ихъ и не можетъ ими пошевелить. Но затѣмъ она разминаетъ ихъ и, полная воспоминаній о минувшемъ снѣ, идетъ за тетей домой.

Недѣлю спустя, снова начались жестокіе морозы. На плитѣ снова съ утра и до вечера кипѣлъ громадный чайникъ и дядя-Жоржъ то и дѣло привозилъ полузамерзшихъ школьниковъ-ребятъ и поилъ ихъ чаемъ. Тетя-Оля стаскивала съ нихъ промокшіе валенки и чулки и просушивала ихъ у печки. Теперь ей въ этомъ помогала и Женя. Около нихъ суетилась и Агаша со своими красными руками и въ грубыхъ деревенскихъ бабшакахъ и это ужъ не казалось Женѣ противнымъ и недостойнымъ такой барышни, какою она считала до сихъ поръ себя.

Е. Ш.

OTRYBNA BOLENA

25

1941

1941

1941

1941

1941

1941

1941

1941

1941

1941

1941

Годъ изданія пятый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

художественно-литературный журналъ

ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ)

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ

24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлеченія и проч. и проч.).

12 ВЫРѢЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ ДЛЯ ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

Книгу „ВЪ УЮТНОМЪ УГОЛКѢ“ (отдѣльными листами).

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается для иногороднихъ подписчиковъ въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровский проспектъ, 22 и для городскихъ подписчиковъ въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга.

Перемѣна адреса—28 коп. почтовыми марками.

3 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

Книга съ раскрашенными картинками
„СѢДАЯ СТАРИНА“

(Легенды о быломъ).

Соч. А. Гербертсонъ.

Рисунки Елены Страттонъ.

Цѣна 60 коп. съ пересылкой

Высылается по первому требованію
изъ редакціи „Золотое Дѣтство“

С.-Петербургъ, Каменноостровский пр., 22.